

состоящему из одного подпорщика и шести нижних чинов, идти к тому же месту с заряженными ружьями, глаз не спускать с немца и следить за его штуками. Если изменнические проделки этого человека оправдают мои подозрения, то мы положим животы наши за царя и святуя Русь».

Это анекдотическое донесение было опубликовано еще в XIX веке (Полонский, 1889). В

последние годы оно несколько раз публиковалось на страницах местной печати и посмешило уже не одно поколение тюменцев.

В заключение хотелось бы пригласить всех интересующихся в Тюменскую область (Тобольскую губернию), в частности в Тобольск, древнюю столицу Сибири, и в Тюмень, ворота Сибири, чтобы прикоснуться к юношеской мечте Гумбольдта.

Сибирский Сократ

Скульптурно эффектный профиль этого человека с величественным лбом тотчас же возникает в памяти при произнесении непривычного сочетания «Сибирский Сократ». Так наррек его А. Омельчук в своих телевизионных «Беседах с Сократом», неординарность которым придала личность этого интеллектуала. Его помнят по яркому диалогу «Театрального Зрителя» со знаменитым режиссером Ю. Любимовым, как-то утратившим столичный лоск перед духовидческой пронизательностью уникального ума. Его помнят по блестящим выступлениям в академических собраниях и университетских аудиториях. Его знают несколько поколений студентов-психо-

логов и филологов Тюменского университета по феерическим, интеллектуально насыщенным лекциям по философии, антропологии, социальной психологии.

Это — Юрий Михайлович Федоров, один из немногих философов современности, которому удалось составить собственную философскую систему. Достаточно назвать его «Сумму антропологии», монументальный труд (более 1500 страниц), объемлющий все мыслимое мироздание от происхождения человека и человечества до того драматического срока, когда они должны дать отчет о своем существовании. Первые книги этой энциклопедии российской духовности рubeжа тысячелетий

можно было встретить на выставках интеллектуальных бестселлеров в Москве и Петербурге. Первые итоги «Суммы антропологии» обсуждались в Институте философии РАН, на всемирных конгрессах философов, на одном из которых Федорову дали возможность выступить с изложением своей системы. Такой аудитории и такого живого интереса, затянувшегося на 5–6 часов диалога, не удастаивались самые громкие кумиры духовного постмодерна второй половины XX в., как например, С.Д. Сахаров и С.С. Аверинцев.

Однако мало кому ведомо, что «Сумма антропологии» замышлялась как состоящая из 5 книг, которые должны, подобно Торе, Пятикнижию Библии, труду Августина «О граде Божием» и «Сумме» Фомы Аквинского охватить все сферы бытия Человека.

Впрочем, сам автор интуитивно улавливает аналогию не с этими столпами духовности, а с «Пятикнижием» Федора Михайловича Достоевского. Автору судьба уготовила удивительное пересечение с путем, некогда пройденным Достоевским, привела к своеобразной метафизической встрече с ментальным полем Достоевского. В середине 70-х годов Ю.М. Федоров оказался в военном госпитале в Омске, в той самой палате, в которой более 100 лет назад лежал Федор Михайлович. После этого появилась книга Федоро-

ва «Универсум морали», положившая начало будущей «Сумме антропологии». В середине 90-х годов Ю.М. Федоров обзавелся летним домиком в с. Заводоуспенка, где Достоевский останавливался во время своей сибирской ссылки, вбирая идеи и образы для своих будущих сочинений. И именно в с. Заводоуспенка были написаны 2 и 3 книги «Суммы антропологии» Федорова.

Метафизика места, в действительности, оказывает гораздо большее влияние на личность, чем это представляется обыденному сознанию. Ю.М. Федоров происходил из абхазского городка Гудауты, учился в азербайджанском селе Мардакяны, где витала аура ярких поэтов серебряного века В. Хлебникова, С. Есенина, написавшего именно там свои «Персидские стихи». Русский язык и литературу преподавал Ф.А. Лосский, создавший свою теорию языка.

Здесь Федоров впитал страсть к поэтическому слову, завораживающему звучанию восточной просодии, ирано-греко-понтийской старине. В сегодняшней квартире Юрия Михайловича царит дух места той юношеской поры. Посетителя обступают чеканные вазы и чаши персидской и кавказской работы, мраморная капитель коринфского ордера и деревянная скульптура, Библия Екатерининской эпохи и Коран в пергаментном переплете.

Хозяин удивительно органично соединяет в себе самые различные, казалось бы, далеко отстоящие друг от друга культурные традиции. Он может самозабвенно декламировать по-тюркски стихи поэтических гениев пятисотлетней давности и пускаться в изощренные толкования художественной образности символистов и акмеистов. Юношеская страсть к поэзии в дальнейшем была умерена разумом. Сегодня Ю.М. Федоров иронизирует по поводу горячности давних лет, когда он готов был допускать мысль о самоубийстве, если не станет великим поэтом.

Но и сегодня поэтический темперамент побуждает его заняться переводами произведений польского поэта Анджея Бартынского, его друга, лидера европейского поэтического авангарда, и в 2001 в Новосибирске издается сборник стихов Бартынского в переводе Ю.М. Федорова.

Другим фундаментальным основанием личности является, хотим мы того или не хотим, наследственность. Ю.М. Федоров происходит из дворянской семьи. Его прапрадед, генерал Ласточкин, воевал с Шамилем; затем круто изменил жизнь, став монахом. Его именем названо одно из селений на Кавказе. Дед — полковник царской армии, был расстрелян в ходе красного террора. Отец учился в Москве в пушном институте, был репрессирован.

Был в лагере, на печально знаменитом Беломорканале. Чудом бежал. Жил на Кавказе, женился, в 1936 на свет появился сын Юрий. В 41-м, дабы избежать новых репрессий, добровольцем ушел на войну. Возвратился телесно и духовно обессиленным, умер в больнице.

От них Ю.М. Федоров унаследовал благородство, возвышенную духовность, преданность православию и России. От них унаследовал интеллектуальный дар, в котором соединялись редкие математические способности и страсть к непостижимому, к метафизике. От них воспринял художественное воображение, способность тонкого понимания искусства и уже отмечавшийся поэтический темперамент. В школьные годы в математических решениях он превосходил учителя, который, как это нередко бывает, ставил ученику «тройки». Позднее, в курсантские годы, первой опубликованной работой Федорова окажется исследование по математике — «Об одном признаке сходимости рядов и несобственных интегралов» (Омск, 1960). Еще позднее, когда определяются философские интересы Юрия Михайловича, его труды будут отличать безупречная логика, математическая доказательность и графически ясное выражение самых сложных процессов разворачивания человеческого духа.

В сущности, и военная карьера Ю.М. Федорова (он имеет

звание полковника), на первый взгляд исключая развитие философской созерцательности, объясняется генетическими факторами. После окончания школы (увы!) с тройками в аттестате была поездка в Москву, устройство на завод авиационного приборостроения учеником токаря.

Потом — армия, служба под Ленинградом в полку истребительной авиации, имевшем опыт боевых действий в Корее против США. Ю. Федоров служил в штабе полка писарем. Здесь произошло событие, изменившее жизнь рядового солдата. Однажды полк был переведен на запасной аэродром для учений. По учебной схеме на это место предполагалось сбросить атомную бомбу. Эта информация стала известна штабному писарю Ю. Федорову; он известил об этом командира полка. Командир поднял полк в воздух за 15 минут до ядерного взрыва. На учениях присутствовал маршал Бирюзов, который сделал разнос командиру полка, требуя наказания виновных в срыве учебной задачи; однако командир полка заявил о неприкосновенности тайны его оперативной работы. Дело закончилось присвоением командиру очередного звания и повышением его по службе, а для солдата Федорова — внеочередным отпуском.

Из отпуска, не возвращаясь в полк, Федоров отправился поступать в Новосибирское пехотное училище. В 1956 г. это учи-

лище было расформировано, все курсанты переведены в Благовещенское общевоинское училище. В 1957 г. курсант Ю.М. Федоров был переведен в Омское высшее командное училище, которое окончил с отличием. Потом, в 1960–1963 гг., была служба в Польше, где первой книжкой по усвоению польского языка оказался небольшой сборник стихов А. Бартынского. После служил в Азербайджане. Важным событием жизни стала учеба в 1966–1969 гг. в Военно-политической академии в Москве. То было время интеллектуальной и поэтической оживленности; впервые читались лекции по социологии и политологии известными учеными Бестужевым-Ладой, Левандой, Межуевым; звучали публичные выступления А. Вознесенского, Р. Рождественского и Е. Евтушенко. То было время обновления театральной жизни. После академии была адъюнктура и защита диссертации. А затем, в 1973 г., последовала «ссылка» (иначе трудно оценить подобное назначение) неортодоксально мыслящего офицера в Тюменское высшее военно-инженерное училище. Но именно здесь, в Тюмени, в полную мощь развернулся интеллектуальный дар Ю.М. Федорова, снискавший ему заслуженные степени и звания доктора философских наук, профессора, академика Тюменской губернской академии.

Ю.М. Федорову в 1973 г. в Главном политуправлении МО

СССР предложили «на выбор» г. Благовещенск, г. Омск и г. Тюмень. В первых двух городах ему уже довелось бывать, и он знал, что они собой представляют. Тюмень же была для него terra incognita. Юрий Михайлович остановил свой выбор на неизвестном. Экзистенциальная драма отозвалась в сознании случайным парафразом одного «героя» незамысловатого русского детектива той поры: «Уезжай в Тюмень и ляг на дно!». Тюмень представляла некоей непроницаемой мглой, где могли исчезнуть в неизвестности от Всесоюзного розыска криминальные авторитеты.

В Тюмени Федоров оказался в ТВВИКУ, едва ли выделявшемся интеллектуальной жизнью среди вузов города. Тюмень вызывала странное ощущение сюрреалистического коллажа — соединение патриархальной архаики и начинающейся созидательной активности нефтегазовых гигантов, соседство трогательной души старины первого русского города Сибири и хаоса новостроек, соприкосновение простодушия, открытости ее жителей и чудовищного ненормативного арго. Никакой сколько-нибудь заметной, выходящей за рамки «вещи в себе» культурной и научной жизни. Никакой истинной интеллектуальной элиты, свободной от номенклатурно-административной принадлежности.

И все же, Тюмень обладала одним немаловажным преимуще-

ством по сравнению со столицей: она давала редкую свободу творчества и самовыражения. Известно, под каким тотальным контролем в центре находился каждый выступающий с лекцией, каждый пишущий и думающий.

Ю.М. Федоров выступил с инициативой организации социологических курсов. Идея была поддержана тогдашним обкомом, и эти курсы заложили основу общественно-научного и гуманитарного образования в только что созданном Доме политпросвещения. Позднее, в конце 80-х — начале 90-х гг. были инициативы развития конфликтологических исследований в Тюмени в рамках программ Института проблем освоения Севера СО РАН и Института криосферы Земли СО РАН, надо признать, пионерных в России. Были разработки сценариев развития конфликтов в Чечне, Поволжье и на Ямале, получившие высокие оценки столичных и зарубежных экспертов, и, сегодня приходится признавать, во многом сбывшиеся. В середине 90-х гг. Ю.М. Федоров выступил с еще одним значимым для научной жизни региона проектом создания Тюменской губернской академии. Этот акт воспринимается как показатель формирования собственного научного сообщества в регионе, подлинной интеллектуальной элиты Тюмени и края.

Главный труд жизни Ю.М. Федорова — «Сумма антропологии». Это не простой

труд, который непосильно не только оценить, но даже охватить взором одному человеку. Мне, в соответствии со своими профессиональными пристрастиями историка, хотелось бы представить третью книгу¹, увидевшую свет в начале 2001 г. и лишь недавно дошедшую до Тюмени. Хотя мне посчастливилось быть читателем этой книги еще два года назад, когда она была в рукописи, и вести активный диалог с автором.

Весь пафос размышлений философа здесь обращен к метаистории. Это понятие чаще всего используется для обозначения запредельной, потусторонней (трансцендентной) истории, имеющей слабое соприкосновение с действительной историей. Опыт Даниила Андреева, при всем поэтизированном богатстве его «Розы мира», встречает в научной среде чаще всего негативную оценку за его мистическую природу, за отсутствие многолетних усилий интеллекта по освоению предшествующих ментальных традиций.

В философии Федорова метаистория становится глобальной историей от ее начала до неизбежного финала. При внешнем подобии с идеей «универсальной истории» средневековых хронистов, охватывавшей весь путь человечества от Сотворения до Конца Света, концеп-

ция Федорова отличается фундаментально осмысленным и прописанным антропоцентризмом. Нередко мне доводилось слышать от знакомых философов, что доктрина Федорова пессимистична, что она представляет собой новую теорию катастрофизма, что она описывает развитие человечества через последовательную цепь катастроф — космологической, антропологической, социальной и природной, канун которой вот-вот наступит. Однако подобное суждение неверно, оно является следствием невчитанности в текст до последней точки. Финалом человеческой истории, по убеждению Ю.М. Федорова, должен стать не Апокалипсис, но Апокатастасис, а именно: Возрождение Духа.

Автор предлагает оригинальную схему мировой истории — Культ, Культура, Цивилизация, Технология. От теоретической работы такого масштаба неразумно ожидать точного указания дат, когда начинался или заканчивался тот или иной период. Гораздо существеннее здесь методологические посылки подобной всемирноисторической схематики. основополагающим принципом здесь является человек, или Субъект.

Периоду Культа, примерно соотносившемуся с дописьменной, догосударственной истори-

¹ Федоров Ю.М. Сумма антропологии. Кн.3: Антропологическая историософия. Новосибирск: Наука, 2000. 714 С. Издана при поддержке Тюменской ассоциации офицеров запаса (В.Б. Загорчик).

ей (моя интуиция историка подсказывает — до IV тыс. до н.э.), соответствует Астральный Субъект. Его отличали явные приоритеты жизни небесной над земной. Нормой его ориентации в мире являлось предельное бытие. Он находился в непрерывном общении с космическими силами, среди которых все земное являлось зеркальным отражением небесного. Доминирующей фигурой прасоциума, обладавшей авторитетом, являлся маг. Для этого периода были характерны працивилизация с центрами в виде астральных святилиц, пранормы в виде табу и тотемов, предписанных космическими силами, пратехнологии, основанные на трансцендентном опыте, пракультура, описываемая автором как запредельная и наивысшая, и пранаука в форме магии. Высшими проявлениями духовной мощи Астрального Субъекта стали палеолитические полихромные росписи, монументальные мегалиты, Стоунхендж, просуществовавшие тысячелетия и способные просуществовать еще бесконечно долго, в то время как современная техника нуждается в быстротечном обновлении. Период Культа завершился космической катастрофой, отклик которой сохранился в мифах об Атлантиде и Всемирном потопе.

Реликтами Астрального Субъекта оказываются угро-самоджийские народы Приполярья,

племена африканских джунглей и южно-американской сельвы, продолжающие жить в гармонии с природой. Косвенным показателем духовной силы Астрального Субъекта является пример жизни одного недавно открытого племени в горах Тибета на высоте более 3 тысяч метров над уровнем моря. Средняя продолжительность жизни в племени составляет 120 лет. Болезни, от которых страдает современное общество, включая самую страшную — рак и самую безобидную — кариес, там не известны. Племя не знакомо с алкоголем, табаком, не пользуется огнем, довольствуясь живой пищей, ледяной родниковой водой, разводит коз. Люди отличаются веселым нравом, значительную часть времени посвящают общению с любимыми — женами и детьми.

Второму периоду — Культуре, примерно совпадавшему по времени с существованием древних и средневековых государств (вероятно, нижней хронологической границей могло бы выступать IV тыс. до н.э., а верхней — сер. II тыс. н.э.), соответствовал Антропный Субъект. Нормой его поведения было: «скорее быть, чем иметь». Он отличался антропоморфным творчеством, невиданной творческой энергией. Ведущей фигурой протосоциума, по преимуществу родового, являлся предводитель рода (царь, монарх, вождь). Протоцивилизацию этого периода автор склонен называть эвалю-

ативной, т.е. ценностной, основанной на общезначимых ценностях. Ее центрами были города, полисы, цивитас, коммуны, с присущими для них патристическими ценностями, когда сами эти образования воспринимались как «высшие родители». Нормы этого периода представляли собой предписания религии, церкви; они не обеспечивались принуждением. Технологии, культура, наука отличались антропосоразмерностью. Даже колоссы этого периода — Египетские пирамиды, Вавилонская башня, Великая китайская стена, чудеса света греков, готические соборы Кельна и Страсбурга — измерены футом и пядью, т.е. ногой и пятерней человека. Этот период закончился антропной катастрофой, каковой оказались Возрождение, с его своеволием, бесстыдством и презрением к человеку земледельческой культуры, Реформация, с ее профанацией богоизбранничества до уровня пошлого жизненного успеха, и «Великие географические открытия», приведшие к гибели высокие культуры Нового Света. Реликтами Антропного Субъекта являются традиционные восточные общества и, может быть, патриархальная семья.

Третьему периоду — Цивилизации, начавшемуся предположительно с сер. II тыс. (вероятнее всего, с рубежа XV—XVI вв.) и продолжавшемуся, судя по смысловому контексту измене-

ний, до середины XX в., соответствовал Социальный Субъект. Его собственнический *modus vivendi*: «скорее иметь, чем быть». Социум этого периода автор нередко именует социомассой. Он скреплен социальной идеологией, социальной политикой, социальными программами. В нем господствовали социальные интересы, мотивы общей пользы. Главенствующую роль в обществе играли идейные, партийные лидеры, функционеры, организаторы. В этот период креационистская, творческая деятельность сменилась репродуктивной по уже известным шаблонам, схемам, эталонам. Нормы в этот период приобрели прескриптивный характер, они жестко предписаны, фиксировали должностное и налагали санкции за неисполнение долга. Технологии становились все более массовидными, направленными на удовлетворение растущих потребностей социума. В цивилизации в еще большей степени подавлялась личность. Автор оспаривает иллюзию теоретиков либеральной и неолиберальной традиций, утверждавших, что только в цивилизации человек обретает свободу. В действительности, приоритет социума в период Цивилизации приводит не только к самой высокой производительности, к самым высоким стандартам потребления, но и к самым масштабным репрессиям против личности. Достаточно вспомнить трагедию народов,

уничтоженных конкистой, судьбы колонизованных континентов, геноцид тоталитарных режимов, холокост и концлагеря. Период Цивилизации закончился, по убеждению ученого, социальной катастрофой. Ее очевидными признаками стали фашистские и иные авторитарные диктатуры первой половины XX в.

Четвертому периоду — Технологии, начавшемуся, как можно заключить, с середины XX в., соответствовал Телесный Субъект. Главным требованием его существования становится предельное обладание. Социум ограничивается до того круга, в который вошли лишь общества, победившие в конкуренции высокие технологий. Пределом социума становится пресловутый «золотой миллиард». Главными акторами общества оказываются самые состоятельные изобретатели ноу-хау, наподобие созда-

теля Microsoft. Это общество автор порой именует псевдоцивилизацией. Миром начинает править Ничтожество, которое ради тотального обладания всем и вся ставит мир перед еще более глобальной катастрофой — природной. Альтернативой этому сценарию может быть только проявление духовной элиты, которая содержит в себе культуро- и культуросозидающие силы предшествующих Субъектов.

Знаком надежды здесь является становление подобной элиты и в нашем регионе, до сих пор являвшемся лишь гумусом, питающим центр.

PS. В день, 23 июня, когда завершился этот этюд, его главный герой, профессор Ю.М. Федоров, отметил свой 65-летний юбилей. Друзья и коллеги поздравляют его с этим событием и выражают надежду на продолжение «Суммы антропологии».

Заграничный родственник

Весной этого года в Тобольский филиал государственного архива Тюменской области пришел запрос из Департамента по социально-экономическому развитию села администрации Тюменской области. И.о. председателя комитета аграрной реформы С.А. Пахомчик просил

отыскать в церковных метрических книгах дату рождения тоболяка Ивана Васильевича Емельянова. Интерес к нему был вызван тем, что, переехав из России в США, бывший наш земляк стал крупным теоретиком и практиком кооперации, автором «Экономической теории коопе-